

ТЕКСТ

(1)Я бывал во многих местах и интересовался, как человек взаимодействует с природой. (2)Набедокурил «венец творения» повсюду. (3)Царям вселенной похвастаться нечем: плохо охотились, плохо рыбачили и вели себя по отношению к природе как завоеватели...

(4)А заметили ли вы несоответствие между тем, сколько мы говорим о сохранении природы, говорим страстно, поэтично, и тем, сколь малый эффект эти правильные слова производят? (5)Они так и не стали убеждением всех и каждого, не проникли в сердце и сознание. (6)А ведь человек - частица природы, познающая самоё себя. (7)Эта мысль точно определяет отношение человека к окружающей среде: человек неотделим от природы. (8)Кроме того, они не могут быть в положении раба и господина. (9)Если же возникает такое противоестественное состояние, то нарушаются и мир, и равновесие между ними. (10)Природа — не сырьё для цивилизации, а прекрасный солнечный дворец, в который человек должен своим трудом, волей, разумом вносить усовершенствования. (11)Нет большего преступления, чем уродовать, извращать природу. (12)Природа, неповторимая во Вселенной колыбель жизни, - это мать, родившая и вскормившая нас, и поэтому относиться к ней нужно, как к своей матери, - с высшей степенью любви.

(13)Всегда ли мы соблюдаем нравственные законы в отношении к природе? (14)Увы, нет. (15)Недаром появились запреты, «суровые» наказания... (16)Все знают о них, и тем не менее...

(17)Значит, дело не в запрещающих законах, не в наказаниях. (18)Вообще, наказание никогда не было сильным средством в решении какой-то проблемы.

(19)Штрафы, и крупные штрафы, за хамское отношение к природе надо брать. (20)Но одновременно с этим надо усилить пропаганду в защиту природы, вести её не только пафосно. (21)Нужно добиться осознания того, что природа - это твоя жизнь, что не могут быть дерево, цветок сами по себе, а ты сам по себе, что, уничтожив природу, сам пропадёшь. (22)Ибо природа - это воздух, а без воздуха нет жизни. (23)Пора уже понять, что здоровье наше и наших детей полностью зависит от зелёного, голубого, благоухающего, струящегося, цветущего мира, что этот мир может обойтись без нас, а мы без него - никогда. (24)На преодоление упрямой глухоты, душевной невоспитанности, непросвещённости нужно идти не уставая.

(25)У природы есть счастливое свойство восстанавливаться. (26)У меня сложилось ощущение, что мир, окружающий нас, напрягается против гибели, и надо помочь ему. (27)Нужно участие каждого из нас в этом деле. (28)Мы все, независимо от того, чем занимаемся, должны служить охране беззащитной, доверчивой и могучей природы, без которой мы - ничто.

(По Ю. Нагибину*)

*Нагибин Юрий Маркович (1920-1994) - русский советский писатель- прозаик, журналист и сценарист.

ТЕКСТ

Есть на нашей реке такие глухие и укромные места, что, когда продерёшься через спутанные лесные заросли, заполненные к тому же крапивой, и присядешь около самой воды, почувствуешь себя как бы в обособленном, отгороженном от остального земного пространства мире. На самый грубый, поверхностный взгляд, мир этот состоит только из двух частей: из зелени и воды.

Будем теперь по капелькам увеличивать наше внимание. При этом почти одновременно с водой и зеленью увидим, что, как ни узка речка, как ни густо сплелись над её руслом ветки, всё же и небо принимает не последнее участие в сотворении нашего маленького мира. Оно то серое, когда ещё самый ранний рассвет, то серо-розовое, то ярко-красное — перед торжественным выходом солнца, то золотое, то золотисто-синее и, наконец, голубое, как и полагается ему быть в разгаре ясного летнего дня.

В следующую долю внимания мы уже различим, что то, что казалось нам просто зеленью, вовсе не просто зелень, а нечто подробное и сложное. И в самом деле, натянуть бы около воды ровную зелёную парусину, то-то была бы дивная красота, то-то восклицали бы мы: «Земная благодать!»

Страстный рыболов Антон Павлович Чехов был не так уж прав, говоря, что во время уженья приходят в голову светлые, хорошие мысли.

Глядя на белые пышные груды цветов, я часто думал о нелепости положения. Я вырос на этой реке, чему-то меня учили в школе. Цветы эти я вижу каждый раз, и не просто вижу — выделяю из всех остальных цветов. А вот спроси меня, как они называются, — не знаю, почему-то ни разу не слышал их названия от других, тоже здесь выросших людей. Одуванчик, ромашка, василек, подорожник, колокольчик, ландыш — на это нас ещё хватает. Эти растения мы ещё можем называть по имени. Впрочем, может быть, один лишь я и не знаю? Нет, кого бы я ни расспрашивал в селе, показывая белые цветы, все разводили руками:

— Кто их знает! Полно их растёт: и на реке, и в лесных оврагах. А как называются?.. Да тебе на что?

Мы вообще-то, я бы сказал, немного равнодушны ко всему, что окружает нас на земле. Нет, нет, конечно, мы часто говорим, что любим природу: и эти перелески, и холмы, и роднички, и огневые, на полнеба, летние тёплые закаты. Ну и, конечно, собрать букет цветов, ну и, конечно, прислушаться к пению птиц, к их щебетанию в золотых лесных верхах в то время, когда сам лес ещё полон темно-зелёной, чёрной почти прохлады. Ну и сходить по грибы, ну и поудить рыбу, да и просто полежать на траве, глядя вверх на плывущие облака.

«Послушай, а как называется трава, на которой ты теперь так бездумно и так блаженно лежишь?» — «То есть как это как? Ну там... какой-нибудь пырей или одуванчик». — «Какой же тут пырей? Всмотрись повнимательнее. На месте, которое ты занял своим телом, растёт десятка два разнообразных трав, и ведь каждая из них чем-нибудь интересна: то ли образом жизни, то ли целебными для человека свойствами. Впрочем, это уж вроде как бы непостижимая для нашего ума тонкость. Пусть об этом знают хотя бы специалисты. Но названия, конечно, не мешало бы знать».

Из двухсот пятидесяти видов грибов, что растут повсеместно в наших лесах, начиная с апреля и кончая заморозками (кстати, почти все виды съедобны, исключая лишь несколько видов), мы знаем «в лицо» и по названиям едва ли четвертую часть. Про птиц не говорю. Кто мне подтвердит, какая из этих двух птиц малиновка-пересмешница, какая крапивница, а какая мухоловка-пеструшка? Кто-нибудь, конечно, подтвердит, но каждый ли? Но каждый ли третий, но каждый ли пятый — вот вопрос!

(По В. Солоухину*)